

Статья опубликована в: Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство. – 2011. - № 13. – С. 103 – 107.

Мусий В.Б.

УДК 821. 161. 1-Тургенев

МИФОПОЭТИЧЕСКОЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ В «РАССКАЗЕ ОТЦА АЛЕКСЕЯ» И.С. ТУРГЕНЕВА

В.Б. Мусий

Мифопоэтическое и психологическое в «Рассказе отца Алексея» И.С. Тургенева

В статье исследуется мифопоэтическая (переход экзистенциального зла из внешнего мира в душу героя) и психологическая (дисгармония в душе героя) мотивировки гибели героя рассказа И.С. Тургенева. Вопрос о судьбе героя решается в свете семантики романтического мотива двойничества в реалистическом произведении, изучения авторской концепции человека, модели мира в произведении.

Ключевые слова: мифопоэтический, романтизм, реализм, психологизм, мотив, герой, авторская концепция человека, модель мира

В.Б. Мусий

Міфопоетичне та психологічне в «Оповіданні отця Олексія» І.С. Тургенєва

В статті досліджується міфопоетичне (перехід екзистенційного зла із зовнішнього світу до душі героя) та психологічне (дисгармонія у душі героя) мотивування загибелі героя оповідання І.С. Тургенєва. Питання долі героя вирішується у світлі семантики романтичного мотиву двійництва в реалістичному творі, вивчення авторської концепції людини, моделі світу в творі.

Ключові слова: міфопоетичний, романтизм, реалізм, психологізм, мотив, герой, авторська концепція людини, модель світу

V.B. Musiy

Mythopoetic and psychological in “Father Aleksey’s Story” by I.S. Turgenev

The article is devoted to the analysis of mythopoetic (transferring of existent evil from external world to the solve of hero) and psychological (disharmony in solve of hero) motivations of hero’s death in story by I.S. Turgenev. The question of hero’s destiny is examined in the article in connection with semantics of romantic motive of duality and results of studying author’s conception of personality and model of universe.

Key words: mythopoetic, romanticism, realism, psychologism, motive, hero, author’s conception of personality, model of universe

Одним из путей современного изучения классической русской литературы второй половины XIX века является соотнесение произведений писателей, интерпретация творчества которых ограничивалась, как правило, лишь рамками критического реализма, с другими, нереалистическими художественными системами. Это способствует более многостороннему пониманию особенностей поэтики произведений. Среди ученых, проводивших параллели между прозой реалиста И.С. Тургенева и романтизмом, назовем И.В. Карташову [8], С.М. Аюпова [1], Е.В. Грекову [3], К.В. Лазареву [9], Т.В. Швецову [18]. **Цель нашей статьи** – изучить «Рассказ отца Алексея» И.С. Тургенева в контексте романтического по своей природе мотива двойничества, сосредоточив внимание на семантике и роли этого мотива в тексте произведения.

В основе мифопоэтического сюжетного мотива двойничества, ставшего для романтиков одним из путей выражения разлада с дисгармоничным миром, в котором не просто рушились привычные связи между людьми, но и сам человек оказывался внутренне расщепленным, переживавшим отчуждение частицы собственного «я» (тени, отражения, памяти и т.д.), - представления об «ангеле», «демоне», «гении», сформировавшиеся еще в архаическую эпоху. Таких гениев у человека могло быть два. Один совершал достойные поступки, под влиянием другого нарушались запреты. Не менее важной здесь является и дуальность природы человека, признание того, что он создан из праха земного (телесное «я») и призван к жизни Божественным духом (духовное «я»). Эти два начала, конечное и бессмертное, находятся в состоянии противостояния, и от того, какое из них окажется выше, зависит судьба отдельного «я». В начале XIX века в произведениях русских писателей все чаще звучит мысль о наличии у человека его «черного» двойника, герои внезапно обнаруживают в себе неожиданную для них самих способность совершить преступление (к примеру, «Страшное гаданье» А.А. Бестужева). С одной стороны, здесь проявляется мифологизм их мировосприятия, с другой – пробуждение интереса к собственному

внутреннему миру, формирование убеждения в сложности и непредсказуемости поведения индивидуальности. В литературе постепенно формируется такой художественный принцип, как психологизм.

И.С. Тургенев пишет «Рассказ отца Алексея» в 1877 году. В значительной степени он продолжает в нем начатую романтиками версию трагической судьбы человека в результате проникновения в его душу демонического. Экзистенциальное объективное (зло, существующее извне), овладевает человеком и постепенно превращается в экзистенциальное субъективное, то есть в частицу «я» этого человека, и разрушает это «я» изнутри. Это экзистенциальное одновременно и пугает, и влечет героя. А потому в конечном итоге он оказывается беззащитным перед ним и погибает. И.С. Тургенев дает происходящему с героем психологическую мотивировку, однако, в силу мифологизма мировосприятия Якова, не отменяется и мотивировка фантастическая, заключающаяся в победе над человеком беса (дьявола). Не меньшую, чем особенность мировосприятия героя, роль в данном случае играет и интерес самого писателя к сверхъестественному. Известно, что в последние десятилетия жизни И.С. Тургенев увлекается позитивизмом, связанным с агностицизмом. Агностики исходили из того, что, поскольку человек в познании мира может опираться лишь на конкретное, единичное – ощущения, одинаково убедительными оказываются и отрицание, и признание возможности его встречи со сверхъестественным. В связи с этим В.Н. Топоров писал: «...источник мистического был внутри самого Тургенева и он начинал действовать, когда сознание засыпало, уступая место тому, что приносило бессознательное. Это мистическое чаще всего открывалось Тургеневу в таинстве жизни и смерти...» [15, с. 47].

Остановимся вначале на мифопоэтической мотивировке того, что произошло с героем «Рассказа отца Алексея». В процессе развития отчуждения Якова от мира и в его душевной жизни можно выделить два этапа. И оба эти этапа связаны с явлением ему какого-то сверхъестественного существа. Первый связан с его детскими впечатлениями, когда, уйдя под

Петров день в лес, он вернулся с необыкновенным орешком. Оказывается, ему его дал «зеленый старичок», который с ним много разговаривал. Для славянской мифологии такой персонаж не характерен. Но на Британских островах и в Европе зеленый человечек – это один из духов стихий. Это языческое божество лесов, дух деревьев, растений и листвы. Так как этот образ связан с языческими верованиями, священнику, отцу Алексею трудно в него поверить. Поэтому он предположил, что ребенку эта встреча приснилась. Однако необычность орешка для местности, в которой происходит действие, очевидна и для него. Кстати, в мифах британцев этот плод наделен магической семантикой. «В некоторых местах, - пишет Гуили, - верили, что сбор лесных орехов по воскресеньям вызывает появление демонов» [4, с. 432]. Но и с точки зрения славянской мифологии в том, что произошло с Яковом, достаточно символика. Во-первых, это касается Петрова дня, в значительной степени близкого Иванову дню. Это одна из календарных вех, когда активизировались духи. После Петрова дня год начинал движение к осени. «У восточных славян (особенно у русских), - указывает Т.А. Агапкина, - в ночь на П.Д. часто совершались бесчинства» [13, с. 363]. С символикой смерти связаны для славян и орехи, считавшиеся пищей мертвых. В дни, когда по поверьям славян, души умерших пребывали на земле, люди шли в церковь и раскладывали по полу Ореховые ветви, ложились на них и прислушивались к звукам, «якобы исходящим из веток». «Считалось, - пишет Т.А. Агапкина, - что таким способом можно увидеть и услышать мертвых. Ореховыми ветками также устилали могилы, создавая тень для душ» [13, с. 346]. Таким образом, согласно мифологическим представлениям, Яков в лесу (а это также пространство смерти, где могла происходить инициация) прикоснулся к хтоническому, да еще и домой принес дары умерших – орехи.

Второй этап в развитии отчуждения Якова от мира и расщепления его собственного «я» он переживает гораздо драматичнее, чем встречу с «зеленым старичком». Теперь ему является черный человек. Происходит это

после того, как Яков начинает испытывать сомнение в существовании Бога, то есть допускает скверну в свою душу. В письме, извещая родителей о том, что он решил отказаться от будущей духовной службы, он признается: «...боюсь греха – сомнения во мне зародились!» [16, с. 285]. Он поступает в университет, чтобы заниматься медициной. Отцу Алексею даже кажется, что сын окрылен будущей деятельностью. Однако это временное состояние, которое сменяется угрюмостью и отчуждением. Таким образом, герой переживает переломный момент в своей жизни – выбора будущего рода занятий. Обстоятельства складываются так, что мечтательный, привыкший к чтению в одиночестве ребенок, став юношей, отказывается от традиционного, определенного его происхождением пути: как сын священника, он должен был посвятить себя духовной службе. Он не выдерживает сомнений, связанных с этим отказом от предопределенного жизненного пути. А свое стремление к самостоятельности, неизбежность перехода от непосредственности к рефлексии, обязательного для того, кто связал себя с наукой, оценивает как гордыню, один из величайших христианских грехов. В результате ему начинает казаться, что он одержим бесом. Отец Алексей рассказывает о страданиях Якова, безрезультатности его попытки вернуться к нормальной жизни. Именно так – как «источник дробления, распада личности, обеднения ее внутренней жизни» - оценивается обособление от окружающих П. Флоренским [17, с. 173]. В свою очередь, расщепление души означает распадение ее на неопределенное множество нечистых духов, как это произошло с Гадаринским бесноватым. Так религиозное и научное оказываются для Якова в непреодолимом противоречии. Воспринимая новое в себе как вмешательство «черного человека», он пытается спастись, вернувшись, как Блудный Сын, к Богу. Кульминационным является описание одного из важнейших действий при совершении таинств: исповеди (очищения своей совести) и причастия – таинства, в котором верующий под видом хлеба и вина принимает самое Тело и Кровь Иисуса Христа и через это становится причастным вечной

жизни. Поскольку раскаяние Якова было искренним, он прошел через таинство исповеди. А вот принять в себя Христа – не смог. Позже он признается отцу, что его черный человек заставил выплюнуть причастие и растереть. «И, стало быть, - в отчаянии признает Яков, - я теперь навсегда пропащий - потому что всякое преступление отпускается, но только не преступление против святого духа» [16, с. 293]. Попытка овладеть собой, преодолеть внутренний разлад, для Якова завершилась поражением. Таким образом, наряду с мифопоэтической, в рассказе И.С. Тургенева на центральное место выходит и психологическая мотивировка происходящего. Анализ действия бессознательного в Якове позволяет выявить, как его субъективные переживания объективировались в образ реального существа, заставляющего его корчиться в страшных физических муках. «Черного человека» можно считать галлюцинацией Якова, которой он верит, так как она представляет собой материализацию враждебной ему части самого себя, то есть является частью, формой его мыслительного процесса, «оторвавшегося» от контроля сознания и принявшего «яркость реального восприятия» [5, с. 413].

С научной точки зрения, такие проявления бессознательного, как галлюцинации и видения духов, объясняются внушением и самовнушением. Альфред Леманн, директор психофизической лаборатории в Копенгагене, попытавшийся в конце XIX в. объяснить некоторые суеверия, писал: «Если человек верит в духов и ожидает увидеть их в известный момент, то восприимчивость к внушению, усиленная верой, окажет свое действие в данный момент, он будет иметь соответствующую галлюцинацию» [6, с. 347]. Есть целый ряд факторов, объясняющих возникновение состояния одержимости у Якова. Здесь важно учесть его слабое физическое состояние, интровертность натуры, склонность к уединению, то, что он воспитан в семье священника, где с детства в нем формировалась склонность не к анализу и объяснению, а к вере. Наконец, в том, что Яков одержим видениями «черного человека», сказывается и мифологизм его мировосприятия.

«Мифологическое сознание, - считает В.М.Пивоев, - допускает противоречия, но не любые... Инстинкт самосохранения уберегает нарождающееся сознание от разрушительной силы критической рефлексии» [12, с. 67]. Для носителя патриархально-религиозного мышления, каким вначале был Яков, стержнем, который должен был поддерживать, спасти человека, сохраняя в нем гармонию, являлась вера в Бога. Рассудочное же начало, представляющее, с одной стороны, расщепление явления, критический разбор его составляющих и, с другой стороны, попытку уравнивать себя с Богом благодаря научному познанию, должно было восприниматься как несущее опасность.

Для судьбы Якова архетипической является ситуация Фауста. Рассматривая трансформацию фаустовского сюжета от Шписа к Клингеру и Гете, Г. Ишимбаева обращает внимание на то, как по-разному авторы оценивают определяющий для этого сюжета мотив выхода за пределы дозволенного. С ее точки зрения, история Фауста это бунт субъективного против объективного. Судьба оказывается в руках самого человека, он оказывается перед выбором между свободой индивидуальности и подчинением предопределению. При этом он, выступив против «железного закона необходимости», уходит от привычного, традиционного и, оказавшись в одиночестве, переживает трагическое состояние внутренней дисгармонии. Отсюда - мотив договора с дьяволом. «Фауст, - пишет автор статьи, - изъясняет свою волю, когда уходит из лоно церкви, когда оставляет теологию и дважды подписывает договор с посланцем ада» [7, с. 169]. Возникает мотив двойничества. Это применимо и к тургеневскому рассказу. Стремясь к самостоятельности в выработке взгляда на мир и определении своего места в нем, Яков раздваивается на благочестивого и грешника, подчиняющегося «черному человеку»

Выводы. Для И.С. Тургенева в «Рассказе отца Алексея» главным было художественное исследование драматизма восприятия мифологически мыслящим человеком переломного для общества момента кризиса

патриархально-религиозного сознания, его неготовности справиться с тем, что несли с собой рефлексия, отказ от традиций, укрепление самостоятельного, свободного от авторитетов взгляда на мир. **В перспективе** – включение анализа переплетения мифопоэтики и психологизма в других произведениях И.С. Тургенева в контекст его ранних произведений с тем, чтобы выявить закономерности развития художественной системы этого писателя.

Источники и литература:

1. Аюпов С.М. Лирико-романтические традиции В.А. Жуковского в художественном мире романа И.С. Тургенева «Дворянское гнездо» / С.М. Аюпов // Романтизм и его исторические судьбы: [материалы международной научной конференции (VII Гуляевских чтений)]. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 1998. - Ч. II. – С.83 – 86.

2. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.В.Ф. Гегель. – М., 1977. – Т. 3.

3. Грекова Е.В. Скрытый мистико-романтический пласт в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» / Е.В. Грекова // Мир романтизма: [материалы международной научной конференции]. – Тверь: изд-во Твер. гос. ун-та, 2004. – Т. 9 (33). – С. 75 – 80.

4. Гуили Р.Э. Энциклопедия ведьм и колдовства / Р.Э. Гуили. – М., 1998. – 672 с.

5. Иванов В. Проблема шизофренического бреда в свете взаимоотношения сознательного и бессознательного / В. Иванов // Бессознательное: природа, функции, методы исследования: В 4 т. – Тбилиси, 1978. – Т. 2. – С. 412-418.

6. Иллюстрированная история суеверий и волшебства. От древности до наших дней / Сост. д-р Леманн. – К., 1991. – 400 с.

7. Ишимбаева Г. Трансформация фаустовского сюжета (Шпис – Клинггер – Гете) и диалектика трагического / Г. Ишимбаева // Вопросы литературы. – 1999. - № 6. – С. 166 – 177.

8. Карташова И.В. Традиции романтической иронии в прозе Тургенева / И.В. Карташова // Карташова И.В. Этюды о романтизме. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. – С.157 – 166.

9. Лазарева К.В. Мифопоэтика «таинственных повестей» И.С. Тургенева / К.В. Лазарева. – Ульяновск: УлГПУ им. И.Н. Ульянова, 2008. – 222 с.

10. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. – Ростов-н/Л, 1997. – 544 с.

11. Осьмакова Л.Н. О поэтике «таинственных» повестей Тургенева / Л.Н. Осьмакова // И.С. Тургенев в современном мире. – М., 1987. – С. 220-230.

12. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира / В.М. Пивоев. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 109 с.

13. Славянская мифология: [энциклопедический словарь] / отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Международные отношения, 2002. – 512 с.

14. Слюсарь А.А. О психологизме в «Петербургских повестях» Н.В. Гоголя / А.А. Слюсарь // Проблемы сучасного літературознавства: Зб. науков. праць. – Одеса, 1999. – Вип. 5. – С. 76-96.

15. Топоров В.Н. Странный Тургенев (Четыре главы) / В.Н. Топоров. – М.: Российск. гос. гуманит.ун-т, 1998. – 192 с.

16. Тургенев И.С. Собр. соч.: В 12 т. / И.С. Тургенев – М.: Художественная литература, 1978. – Т. 8.

17. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины / П.А. Флоренский. – М., 1990.

18. Швецова Т.В. «Моей судьбою очень никто не озабочен...»: Мотив судьбы в очерке И.С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» / Т.В. Швецова // Романтизм: грани и судьбы: Учен. зап. НИУЛ КИПР ТвГУ. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2005. – Вып. 5. – С. 73 – 79.